

Никитина О. А. Антропоцентрическая двуязычная неография: в поисках лексикографической эквивалентности / О. А. Никитина // Научный диалог. — 2015. — № 6 (42). — С. 88—106.

УДК 81'373.43:81'374.822:811.112.2

Антропоцентрическая двуязычная неография: в поисках лексикографической эквивалентности*

© Никитина Ольга Алексеевна (2015), кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого (Тула), kortschigo@mail.ru.

В рамках антропоцентрического подхода к двуязычной лексикографии рассматриваются особенности лексикографического эквивалентирования немецких неологизмов на русском языке. Анализируются вероятные пользовательские запросы как отправная точка антропоцентрического словарного описания и возможности адекватного ответа лексикографов на эти запросы путем структурирования словарной статьи. Обосновывается необходимость включения в структуру словарной статьи двуязычного словаря неологизмов лексикографической зоны толкования значения. Уточняется терминологический статус понятий лексикографического эквивалента и лексикографически безэквивалентной лексики. Раскрывается значимость диахронического аспекта эквивалентности в двуязычном словаре неологизмов. Показывается, что особенности эквивалентных отношений между немецкими неологизмами и русскими соответствиями обусловлены расхождениями в средствах и способах номинации разноструктурных языков и национально-культурной спецификой развития словарного состава, демонстрируются параллели лексического обновления немецкого и русского языков. В ходе анализа особенностей безэквивалентности в лексикографическом аспекте выделяется денотативно-безэквивалентная лексика, безэквивалентность которой обусловлена

* Научное исследование проведено в рамках Государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации, проект № 1706.

отсутствием в практическом опыте носителей русского языка денотата, обозначенного лексической единицей немецкого языка, и сигнификативно-безэквивалентная лексика, к которой относятся немецкие неологизмы, денотаты которых известны в практическом опыте носителей русского языка, однако акта сигнификации по определенным причинам не происходит. Отсутствие лексикографического эквивалента, тем не менее, не мешает адекватной передаче содержания высказывания различными известными в практике перевода способами.

Ключевые слова: неологизм; двуязычная неография; лексикографический эквивалент; безэквивалентная лексика; немецкий язык; русский язык.

1. Вводные замечания

В начале XXI века в научной мысли отмечается особенно напряженная рефлексия личностной проблематики, разворачиваются поиски новой ориентации лингвистики — прежде всего в персонологической перспективе. Гуманизация лингвистического знания выдвигает на первый план проблемы, связанные с языковой личностью как творцом, носителем и пользователем языка, с дискурсом как деятельностью языковой личности по созданию мысли, облеченной в воспринимаемые языковые формы, и с текстом как материальным объектом, за которым можно увидеть, как разворачивается дискурсивная деятельность языковой личности.

Закономерно, что категория языковой личности и сопутствующие ей концептуальные ориентиры находят применение в лексикографии — фундаментально-прикладной сфере лингвистики, занимающейся теорией и практикой составления словарей. Идея антропоцентрического лексикографирования была почти одновременно выдвинута В. В. Морковкиным [1988, с. 132] и Ю. Н. Карауловым [2010, с. 26—27]. Главная цель, которую ставит антропоцентрическая лексикография, — это создание словарей, описывающих не абстрактную систему языка, а живой язык, данный в реальном употреблении и ориентированный на языковое сознание человека [Скляревская, 2006, с. 366]. Иными словами, антропоцентрическая лексикография

стремится создавать словари для языковой личности, познающей и эффективно использующей язык. Следовательно, ориентация на пользователя — один из основных принципов современной антропоцентрической лексикографии. Четкое представление о потенциальном пользователе и вероятных причинах, по которым он будет обращаться к лексикографическому источнику, позволяет составителям антропоцентрически ориентированного словаря предложить такое описание лексических единиц, которое будет в наибольшей степени удовлетворять лексикографическим запросам языковой личности (ср. [Мандрикова, 2011]).

Именно на таких антропоцентрических позициях разрабатывался «Немецко-русский словарь неологизмов» (далее — НРСН) [Steffens et al., 2014]. Формирование содержания данного словаря и принципов его построения потребовало теоретического осмысления вопросов новой отрасли лексикографии — двуязычной неографии, науки о составлении двуязычных словарей новых слов, новых значений и новых устойчивых сочетаний. В данной статье речь пойдет о наиболее трудоемкой и ответственной задаче, стоящей перед авторами двуязычного словаря неологизмов — о нахождении лексических соответствий выходного языка к новым лексическим единицам входного языка словаря.

2. Вероятные пользовательские запросы и микроструктура словаря

Антропоцентрически ориентированное формирование концепции словаря, построение его словника и структуры словарной статьи осуществлялось с учетом запросов, с которыми потенциальные пользователи могут обращаться к двуязычному словарю неологизмов. Эти запросы были условно поделены на две группы: запросы коммуникативного характера, связанные с проблемами в коммуникации, и запросы некоммуникативного характера, возникающие вне коммуникативной деятельности [Wiegand, 2005]. Коммуникативные запросы,

в свою очередь, могут быть вызваны проблемами в рецептивной деятельности, направленной на восприятие информации на иностранном языке, или проблемами в продуктивной деятельности, направленной на порождение и сообщение информации. Применительно к НРСН можно сказать, что пользователь ищет в словаре неологизм в первом случае для того, чтобы понять немецкоязычный текст, а во втором случае — чтобы правильно перевести текст на русский язык. Запросы некоммуникативного типа — это обращение к словарю, во-первых, в целях изучения нового лексического материала немецкого языка, во-вторых, с целью приобретения метаязыкового знания о новых лексических единицах (например, знания о коммуникативных ситуациях, в которых встречаются те или иные неологизмы, лингвокультурные знания, позволяющие распознать культурно маркированные языковые факты и пр.).

Вероятные пользовательские запросы были учтены в микроструктуре словаря. Словарная статья имеет развернутую структуру и включает, помимо традиционных лексикографических зон, такие инновационные конструктивные элементы, как толкование значения, типичную сочетаемость, пример употребления, а также специфические неографические зоны, в частности, время вхождения неологизма в немецкий язык, сведения о словообразовании или происхождении под влиянием иностранного языка и др. (подробнее об этом см. [Никитина, 2013]).

3. Толкование значения как обязательная лексикографическая зона в двуязычном словаре неологизмов

Чтобы удовлетворить лексикографическому запросу на понимание иноязычного текста, в словарной статье должно быть с оптимальной полнотой раскрыто значение новой лексической единицы. В традиционных двуязычных словарях с иностранным языком в качестве входного значение раскрывается посредством одного или нескольких эквивалентов родного языка. Этого может быть достаточно для сло-

варей общей лексики, при составлении которых авторы исходят из того, что значения эквивалентов известны их пользователям. Напротив, в двуязычном словаре неологизмов необходима эксплицитная информация в отношении лексических единиц не только иностранного языка, но и родного. Поэтому при заголовочном слове приводится сначала толкование значения на русском языке, а затем (при наличии) – эквивалент(ы). Данный подход представляется оптимальным для специального двуязычного словаря неологизмов (ср. [Worbs et al., 2007, S. XVI]). Во-первых, для некоторых неологизмов немецкого языка не находится эквивалента в русском языке, так что мы имеем дело с (временно) безэквивалентной лексикой (например, *Brötchentaste*, *Frühstudent*, *Schland*). Во-вторых, специфика двуязычного словаря неологизмов состоит в том, что даже при наличии эквивалентов в русском языке пользователь не всегда может знать их точное значение, поскольку зачастую эти слова являются новыми в русском языке и не могут эффективно раскрыть значение лексической единицы входного языка словаря (например, *Segway* — *сегвей*, *Skimming* — *ским(м)инг*, *Sterbetourismus* — *этаназийный туризм*). Кроме того, эксплицитное толкование значения неологизма позволяет раскрыть его семантику «изнутри», так что дополнительные семантические или прагматистические признаки эквивалента родного языка не оказывают негативного интерферентного влияния на понимание содержательной стороны слова. Поскольку метаязыком толкования является русский язык — родной язык пользователя, то толкование значения может полностью, частично или в модифицированном виде использоваться при переводе с немецкого на русский язык, если приведенные эквиваленты окажутся непригодными для определенного контекста или если таковые отсутствуют вовсе.

4. В поисках лексикографических эквивалентов к неологизмам

В случае затруднений в продуктивной деятельности пользователь обращается к словарю, чтобы отыскать нужный эквивалент при пере-

воде немецкого неологизма на русский язык. Следовательно, в словаре необходимо дать различные возможные соответствия и, насколько возможно, показать отступления от основных словарных эквивалентов при переводе данного слова. Однако лексикограф, имеющий дело с описанием неологизмов в двуязычном словаре, при поиске эквивалентов не может опереться на опыт других двуязычных словарей и, следовательно, обязан самостоятельно выявить и проследить становление эквивалентных отношений. Трудности, с которыми авторам НРСН пришлось столкнуться в поисках русскоязычных соответствий к немецким неологизмам, потребовали уточнить понятие лексикографического эквивалента. Феномен лексикографической эквивалентности находится на стыке лингвистических концепций эквивалентности в контрастивной лексикологии и в переводоведении. С позиций контрастивной лексикологии основой эквивалентности следует считать установление сходств и различий лексико-семантических систем сопоставляемых языков. Эквивалентные отношения проецируются, таким образом, на уровень языка как системы (*Langue*). Очевидно, что понятие системного эквивалента не всегда достаточно для лексикографии. Важно учитывать, например, расхождения между средствами и способами номинации одного языка, в котором преобладают синтетические образования, и номинативными средствами и способами другого языка, использующего аналитические лексические структуры. Кроме того, двуязычные словари предназначены не столько для сопоставительного изучения лексико-семантических систем (хотя и могут быть использованы с этой целью), сколько для понимания и перевода иноязычных текстов. Такая функциональная направленность смещает понятие лексикографического эквивалента на уровень речи (*Parole*) и сближает его с понятием переводческой эквивалентности. В теории и практике перевода под эквивалентом понимается обычно правильно найденное переводчиком соответствие определенной единице перевода, позволяющее достичь коммуникативно-функциональной равноценности текста на исходном язы-

ке и текста на переводящем языке [Рецкер, 2004, с. 12]. Эквивалентность устанавливается, таким образом, относительно определенного текста. Однако двуязычная лексикография имеет дело, как правило, с единицами до уровня предложения — словами и словосочетаниями. Следовательно, лексикографический эквивалент должен выступать как конструктивный элемент, который может быть в неизменном или незначительно варьируемом виде использован в тексте перевода.

Исходя из вышеизложенного, под лексикографическим эквивалентом мы понимаем единицу до уровня предложения, обладающую максимально возможным сходством с единицей входного языка по меньшей мере в семантическом отношении и соответствующую практике употребления носителей выходного языка, которую можно без значительных трансформаций поместить в текст перевода. При этом эквиваленты, состоящие из нескольких слов, не обязательно должны иметь статус лексикализованных единиц в выходном языке словаря (ср. [Wiegand, 2002, S. 103]). Наряду с эквивалентностью в семантическом, прагматическом и функциональном отношении, особое значение в двуязычном словаре неологизмов приобретает диахроническая эквивалентность (ср. [Scholze-Stubenrecht, 1995, S. 2—16]), нацеленная на то, чтобы по возможности приводить к новым лексическим единицам входного языка эквиваленты в выходном языке, также отличающиеся новизной. Это значит, что, занимаясь подбором эквивалентов к неологизмам немецкого языка, необходимо учитывать русскую неологию, чтобы познакомить пользователя с живыми явлениями и процессами также и в русском языке, показать параллели развития немецкой и русской лексики. Поэтому в качестве эквивалентов к немецким неологизмам предлагаются не только лексикографически зафиксированные языковые единицы, но и не зарегистрированные русскими словарями новые слова и сочетания, существующие в практике употребления носителей русского языка в силу межъязыковых контактов или иных экстралингвистических условий. При этом следует помнить, что «словарь — лишь автори-

тетный наблюдатель, советчик, но не законодатель языка» [Дубичинский, 2002, с. 49]. Лексикограф должен избегать изобретательства и отдавать безусловное предпочтение тем эквивалентам, которые уже закреплены практикой межъязыковых контактов.

Конкретные эквивалентные отношения складываются в каждом случае по-разному, однако можно выделить несколько основных типов. Так, в обоих языках наблюдается тенденция к преимущественному заимствованию из английского языка и лишь в малой степени — из других языков (итальянского, японского, китайского) (например, *Geocashing* — *геокешинг*, *Flipchart* — *флипчарт*, *Muffin* — *маффин*, *Ciabatta* — *чабатта*, *Sudoku* — *судоку*, *Qigong* — *цигун*). Можно отметить также характерные расхождения между немецким и русским языками, вытекающие из разного подхода к обработке и ассимиляции заимствований. В то время как в немецком языке ввиду тесного родства с английским в большинстве случаев отдается предпочтение прямому заимствованию, в русском языке чаще появляются (полу-) кальки или описательные соответствия (например, *Laserpointer* — *лазерная указка*; *Making-of* — *фильм о фильме*; *Slider* — *слайдер*, *раздвижной телефон*). Особенность заимствования в немецком языке по сравнению с русским заключается также в более выраженной словообразовательной интеграции заимствований, с помощью которой достигается включение заимствованных слов в дальнейшие номинативные процессы (ср. [Ohnheiser, 2000, S. 284]). Так, заимствованные слова зачастую образуют целые словообразовательные ряды (например, *Inlineskate*, *inlineskaten*, *Inlineskater*, *Inlineskating*), в то время как русский язык ограничивается прямым заимствованием одного ключевого слова либо его калькированием (за редкими исключениями, например: *Blog* — *блог*, *bloggen* — жарг. *блогить* наряду с нейтр. *вести блог*, *Blgger* — *блогер*). Это, в свою очередь, ведет к тому, что множество новых немецких глаголов и отглагольных имен деятеля, образованных от основ заимствованных слов, либо остаются в русском языке вообще без эквивалентов, либо должны переводиться

описательно. Так, например, немецкому неологизму *Nordicwalking* соответствует в русском языке словосочетание *скандинавская ходьба*, глаголу *nordicwalken* — описательный эквивалент *заниматься скандинавской ходьбой* (в этом случае описательный перевод является по сути сжатым толкованием), а *nominum agentis Nordicwalker* остается сигнификативно безэквивалентным. В иных случаях от основ заимствованных слов все же образуются глаголы и имена деятеля, однако они функционируют лишь в определенных жаргонах (например, *chatten* — жарг. *чатиться*, *posten* — жарг. *постить*, *skypen* — жарг. *скайнуть*, *twittern* — жарг. *твитить* и т. п.).

Порой немецкий и русский язык заимствуют слово, реферирующее к одному и тому же понятию, из различных языков (ср., например, заимствованное из французского языка в немецкий язык *Tracur* и из английского в русский — *трейсер*). Что касается прямого заимствования собственно немецких новообразований в русский язык, то в этот период зарегистрированы лишь несколько таких случаев (например, *Elektroschocker* — *электрошокер*, *Gigaliner* — *гигалайнер*, *Minijob* — *миниджоб*, *Midijob* — *мидиджоб*, причем последние два соответствия функционируют почти исключительно в дискурсе о Германии или в дискурсе русских немцев).

Для немецких сложных слов в русском языке лишь в редких случаях находятся эквиваленты со структурой композита (например, *Eurozone* — *еврозона*, *Homohe* — *гомобрак* наряду с *однополый брак*). Системно обусловленные различия в способах языковой номинации ведут к тому, что в качестве эквивалентов к новым немецким композитам выступают словосочетания, которые не являются собственно лексикализованными фактами языка, однако могут использоваться как готовые единицы номинации. Как правило, это сочетания-кальки прилагательного и существительного (*Mobilnetz* — *мобильная сеть*), существительного с определением в родительном падеже (*Sendungsverfolgung* — *отслеживание почтового отправления*), с предложным определением (*Magnetgleiter* — *поезд на магнитной подушке*) или же

биномины (например, *Guerillagärtner* — *партизан-садовод*). Межъязыковое соответствие мотивирующих основ немецких сложных слов и русских словосочетаний или составных слов позволяет в некоторых случаях предположить существование англоязычного прототипа, подвергнувшегося калькированию в обоих языках (например, *Antiterrorkrieg* — *антитеррористическая война* от англ. *anti-terror war*, *Schurkenstaat* — *государство-изгой* от англ. *rogue state*).

В отдельных случаях к новым сложным словам, обозначающим специфические явления немецкого этносоциума, приводятся русские единицы номинации, реферирующие к схожему предмету или явлению действительности в русской лингвокультуре (например, *Kältebus* — *автобус милосердия*). Речь идет о подстановочном переводе, при котором в качестве его эквивалента используется уже существующее в выходном языке слово или словосочетание, обладающее достаточной общностью значения с исходным словом. Трудность состоит порой в том, что немецкие неологизмы представляют собой переименования, то есть новые единицы номинации, характеризующие уже давно существующие, но по-новому переосмысленные или уточненные понятия. В этом случае в качестве эквивалентов приводятся одновременно как словосочетания-кальки, обеспечивающие однозначную соотнесенность с формальной стороной исходного слова, так и описательные или подстановочные соответствия, раскрывающие содержательную сторону неологизма (например, *Elterngeld* — *родительское пособие, пособие по уходу за ребенком*; *Elternzeit* — *родительский отпуск, отпуск по уходу за ребенком*).

Определенные проблемы при нахождении эквивалентов представляют метафорически переосмысленные сложные слова. Лишь в редких случаях совпадает метафорика в немецком и русском языках, что опять же происходит чаще всего из калькирования немецкого неологизма сложного состава в русском языке (например, *Elchtest* — *лосиный тест*). В большинстве же случаев метафорические переосмысления, свойственные немецкой лингвокультуре, не могут быть

с той же образностью реконструированы в русском языке (например, *Ampelkarte*, *Sternenkind*). Порой возможно подобрать к метафорически переосмысленным композитам необразные описательные или подстановочные эквиваленты, раскрывающие существенные элементы значения переводимого слова (например, *Buschzulage* — *надбавка за отдаленность*). В отдельных случаях к метафорическим сложным словам предлагаются русскоязычные соответствия, внутренняя форма которых организуется на иной метафорической основе, которые, однако, относятся к одному и тому же денотату (например, *Carbikini* — *автоушко*, *Hüftgold* — *спасательный круг*, *стратегический запас*).

Что касается новых значений уже известных немецких слов, то лишь в исключительных случаях в русском языке находятся эквиваленты, проделавшие тот же путь семантического развития (например, *halbrund* — *полукруглый*, *Stolperstein* — *камень преткновения*). Часто такое совпадение имеет место, если в обоих языках семантическое развитие произошло под влиянием английского языка. Особенно это характерно для тематической области «компьютер и Интернет», которая практически исключительно пополняется за счет неонимаций английского языка (например, *herunterladen* — *загружать*, *Portal* — *портал*, *Wolke* — *облако*). В иных случаях к новым значениям немецких слов предлагаются различные эквиваленты, которые не обязательно отличаются новизной в русском языке, однако соответствуют немецким неологизмам по семантическим, прагматическим и функциональным характеристикам (например, *Tafel* — *благотворительная столовая*, *Knipser* — *бомбардир*).

5. О безэквивалентности в лексикографическом аспекте

С учетом данного выше определения лексикографического эквивалента о безэквивалентности или нулевой эквивалентности в лексикографическом плане можно говорить тогда, когда в выходном языке словаря не находится единицы до уровня предложения,

которая была бы по меньшей мере семантически эквивалентна единице входного языка и известна в практике употребления носителей этого языка. В НРСН безэквивалентная лексика составляет около семи процентов от общего количества заголовочных слов. По своим сущностным характеристикам безэквивалентная лексика в немецко-русском словаре неологизмов может быть разделена на две группы: 1) денотативно-безэквивалентная лексика и 2) сигнификативно-безэквивалентная лексика (ср. [Petkov, 2000, S. 239]). В первой группе безэквивалентность обусловлена отсутствием в практическом опыте носителей русского языка денотата, обозначенного лексической единицей немецкого языка. Традиционно принято говорить о словах-реалиях, называющих объекты материальной и духовной культуры, социально-политической и экономической жизни, свойственные одной лингвокультуре и чуждые другой. Денотативно-безэквивалентная лексика в немецко-русском словаре неологизмов представлена названиями социальных явлений (*Kassenhopping*), программ (*Partnermonat, Pflegeriester*), социальных услуг (*Demenzgarten, Druckraum, Verhinderungspflege*), благотворительных организаций (*Vesperkirche*), новых профессий в социальной сфере (*Bildungslotse, Stadtteilmutter*); названиями процессов, объектов и лиц, связанных с историко-политическим контекстом объединения Германии (*Vereinigungskriminalität, verosten Neufünfland, Mauerschütze, Wiedereinrichter*); названиями явлений, предметов и лиц из сферы труда и экономики (*Aufstocker, ELSTER, Ich-AG*); названиями новых форм обучения и учебных предметов (*Frühstudium, MINT-Fach*); названиями явлений повседневной жизни (*Verspargelung*) и др.

Вторую группу составляет сигнификативно-безэквивалентная лексика — немецкие неологизмы, денотаты которых известны в практическом опыте носителей русского языка, однако акта сигнификации (означивания) по определенным причинам не происходит. В отечественной лингвистике более распространен термин «случайно безэквивалентная лексика» [Латышев, 2000, с. 158]. Существование

сигнификативно-безэквивалентной лексики может быть объяснено как различиями в языковых картинах мира в соответствии с теорией лингвистической относительности, так и более частными языковыми факторами — например, невозможностью структурировать средствами русского языка относительно компактное соответствие немецкому неологизму (например, *bildungsnah*, *Einlaufkind*, *fremdtwittern*, *sich verklicken*), передать национально-культурную специфику метафорических номинаций (например, *Ampelkarte*, *Dezemberfieber*, *Sternenkind*), языковой комизм (например, *Arschfax*, *Stockente*) и пр.

Безэквивалентность немецких неологизмов не следует, однако, считать окончательным фактом. Возможно, эквивалент найдется, как только то или иное явление появится в российской действительности или в результате межъязыковых контактов приобретет в русском языковом сообществе коммуникативную значимость. Так это произошло, например, со словом *Babyklappe*, которое в начале неографического проекта рассматривалось как безэквивалентное, однако в конце первого десятилетия XXI века подобные приспособления вместе с соответствующими обозначениями *бебибокс*, *окно жизни*, *социальное окно* появились и в России.

6. Заключение

Антропоцентрически ориентированная двуязычная лексикография ставит во главу угла языковую личность — пользователя, обращающегося к словарю в случае затруднений в коммуникации или вне нее. Запросы коммуникативного характера условно могут быть разделены на запросы, обусловленные проблемами в рецептивной деятельности (например, при понимании текста на иностранном языке) или проблемами в продуктивной деятельности (например, при переводе текста с иностранного языка). Наиболее адекватным ответом лексикографов на потенциальные пользовательские запросы является построение структуры словарной статьи с ориентацией на адресата. В НРСН с немецким языком в качестве входного и русским (род-

ным для пользователя) языком в качестве выходного это нашло отражение, в частности, во включении в словарную статью обязательной зоны толкования значения немецкого неологизма на русском языке.

Чтобы удовлетворить пользовательскому запросу на отыскание нужного эквивалента при переводе немецкоязычного текста, содержащего новую лексику, на русский язык, лексикографу необходимо выявить и проследить становление эквивалентных отношений между немецким неологизмом и его русскоязычными соответствиями *in statu nascendi*. Ввиду специфики неологизмов как объекта лексикографического описания в двуязычном словаре потребовалось теоретически переосмыслить понятия лексикографического эквивалента и лексикографической безэквивалентности. Полагаем, однако, что эти теоретические уточнения могут быть полезны и за рамками описываемого словаря. Представляется оптимальным рассматривать понятие лексикографического эквивалента на стыке лингвистических концепций эквивалентности в контрастивной лексикологии и в переводоведении. В первом случае понятие эквивалентности на уровне лексико-семантической системы недостаточно, во-первых, ввиду системно обусловленного расхождения между средствами номинации разноструктурных языков, во-вторых, в связи с ориентацией двуязычного словаря прежде всего не на лингвоцентрическое сопоставление лексико-семантических систем, а на заранее установленные мотивы обращения пользователей к словарю. Такими мотивами являются в первую очередь понимание и перевод иноязычных текстов. Ориентация на языковую личность, познающую и использующую язык, смещает понятие лексикографического эквивалента на уровень речи и сближает его с понятием эквивалентности в переводоведении, устанавливаемой, как правило, относительно определенного текста. Поскольку, однако, определить эквивалентность на уровне текста в рамках двуязычного словаря не представляется возможным, то под лексикографическим эквивалентом понимается языковая единица до уровня предложения (как правило, слово или сочетание слов), вы-

ступающая как конструктивный элемент, который может быть в неизменном или незначительно варьируемом виде использован в тексте перевода.

Наряду с межъязыковой эквивалентностью в семантическом, прагматилистическом и – шире – функциональном отношении, особое значение специально в двуязычном словаре неологизмов приобретает диахроническая эквивалентность, нацеленная на то, чтобы приводить к новым лексическим единицам входного языка эквиваленты в выходном языке, также отличающиеся новизной.

Лексикографические эквиваленты неологизмов должны по возможности использоваться при переводе, однако не следует рассматривать их как единственно возможные соответствия, поскольку активная практика межъязыковых контактов постоянно вносит свои коррективы. Ведь любой словарь, по меткому выражению Ю. Д. Апресяна, есть лишь «моментальный снимок вечно обновляющегося и находящегося в движении языка» [Апресян и др., 2002, с. 8]. В нем, как в точке временной стабильности, сходятся статика и динамика языка, синхрония и диахрония, индивидуальность лексикографа и объективность представленного в лексикографическом труде общественного знания лингвокультурного сообщества в определенную историческую эпоху.

Литература

1. *Апресян Ю. Д.* Лексикографическая концепция Нового большого англо-русского словаря / Ю. Д. Апресян [и др.] // Новый большой англо-русский словарь : в 3 т. / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна, Э. М. Медниковой. — 7-е изд., стер. — Москва : Русский язык, 2002. — Т. 1. — С. 6—17.
2. *Дубичинский В. В.* Значимость лексикографии / В. В. Дубичинский // Sprachwandel und Lexikographie. Beispiele aus slavischen Sprachen, dem Ungarischen und Albanischen / B. Kunzmann-Müller, M. Zielinski (Hrsg.). — Frankfurt am Main [et al.] : Peter Lang, 2002. — S. 47—54.
3. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Изд. 7-е. — Москва : Наука, 2010. — 264 с.

4. *Латышев Л. К.* Технология перевода : учебное пособие по подготовке переводчиков [с нем. яз.] / Л. К. Латышев. — Москва : НВИ — Тезаурус, 2000. — 280 с.

5. *Мандрикова Г. М.* Основные положения антропоцентрической лексикографии / Г. М. Мандрикова // Мир науки, культуры, образования. — № 2 (27). — Горно-Алтайск, 2011. — С. 8—12.

6. *Морковкин В. В.* Антропоцентрический versus центрический подход к лексикографированию / В. В. Морковкин // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном слове : сборник статей / отв. ред. Ю. Н. Караулов. — Москва : Наука, 1988. — С. 131—136.

7. *Никитина О. А.* Построение словарной статьи и аспекты описания словарных единиц в немецко-русском словаре неологизмов / О. А. Никитина // От буквы к словарю : сборник научных статей к 200-летию со дня рождения академика Я. К. Грота / отв. ред. О. А. Старовойтова. — Санкт Петербург : Наука, 2013. — С. 251—260.

8. *Рецкер Я. И.* Теория перевода и переводческая практика : очерки лингвистической теории перевода / Я. И. Рецкер ; дополнения и комментарии Д. И. Ермоловича. — Москва : Р. Валент, 2004. — 240 с.

9. *Скляревская Г. Н.* Об одном словаре антропоцентрического типа / Г. Н. Скляревская // Языковая личность : текст, словарь, образ мира. — Москва : РАН, 2006. — С. 365—377.

10. *Ohnheiser I.* Сопоставительное изучение активных словообразовательных процессов в славянских языках / I. Ohnheiser // Wortbildung : interaktiv im Sprachsystem — interdisziplinär als Forschungsgegenstand / I. Ohnheiser (Hrsg.). — Innsbruck : Institut für Sprachwissenschaft, 2000. — S. 279—295.

11. *Petkov P.* Zum Problem der lexikographischen Lücke in zweisprachigen Wörterbüchern / P. Petkov // Akten des X. Internationalen Germanistenkongresses Wien 2000. Zeitenwende — die Germanistik auf dem Weg vom 20. ins 21. Jahrhundert / P. Wiesinger (Hrsg.). — Bd. 2. — Bern et al. : Peter Lang, 2000. — S. 237—242.

12. *Scholze-Stubenrecht W.* Äquivalenzprobleme im zweisprachigen Wörterbuch / W. Scholze-Stubenrecht // Studien zur zweisprachigen Lexikographie mit Deutsch II. (= Germanistische Linguistik 127—128) / H. E. Wiegand (Hrsg.). — Hildesheim u. a. : Olms, 1995. — S. 2—16.

13. *Steffens D.* Deutsch-russisches Neologismenwörterbuch. Neuer Wortschatz im Deutschen 1991—2010 [= Немецко-русский словарь неологизмов. Новая лексика в немецком языке 1991—2010] / D. Steffens, O. Nikitina. — 2 Bde. — Mannheim : Institut für Deutsche Sprache, 2014. — 598 S.

14. *Wiegand H. E.* Zur Äquivalenz in der zweisprachigen Lexikographie. Kritik und Vorschläge / H. E. Wiegand // Studien zur zweisprachigen Lexikographie mit Deutsch VIII. — Hildesheim et al. : Olms, 2002. — S. 93—110.

15. *Wiegand H. E.* Äquivalenzrepräsentation und Wörterbuchfunktionen in zweisprachigen Printwörterbüchern. Mit einem Seitenblick auf die so genannte „moderne lexikographische Funktionslehre“ / H. E. Wiegand // Germanistische Linguistik 179 : Kontrastive Lexikologie und zweisprachige Lexikographie. — Hildesheim : Olms, 2005. — S. 20—26.

16. *Worbs E.* Polnisch-Deutsches Wörterbuch der Neologismen. Neuer polnischer Wortschatz nach 1989 / E. Worbs, A. Markowski, A. Meger. — Wiesbaden : Harrassowitz, 2007. — 320 S.

Anthropocentric Bilingual Neography: in Search of Lexicographic Equivalence

© **Nikitina Olga Alekseyevna (2015)**, PhD in Philology, associate professor, Department of German Language, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, kortschigo@mail.ru.

The special aspects of lexicographical equivalenting of German neologisms in Russian language are considered within the anthropocentric approach to bilingual lexicography. The possible user requests are analysed as a starting point of anthropocentric lexicographic description and the adequate lexicographers' response to these requests by structuring the dictionary entry. The necessity of inclusion of the meaning interpretation lexicographical zone in the structure of the dictionary entry of bilingual neologisms dictionary is proved. The terminological status of concepts such as lexicographical equivalent and lexicographically non-equivalent vocabulary are clarified. The importance of the diachronic aspect of equivalence in the bilingual neologisms dictionary is revealed. It is shown that the features of the equivalent relations between the German neologisms and Russian equivalents is due to the differences in the means and methods of nomination in languages with different structure and cultural specifics of the vocabulary development, the parallels in lexical update in German and Russian languages are demonstrated. The analysis of the features of vocabulary with no direct equivalents in lexicographical aspect distinguishes denotatively non-equivalent vocabulary that is deter-

mined by the lack of denotation indicated by German lexical unit in practical experience of Russian native speakers, and signifying non-equivalent vocabulary, which includes the German neologisms whose denotations are known in practical experience of Russian speakers, but for which the act of signification for some reason does not occur. Lack of the lexicographic equivalent nevertheless does not prevent the adequate reproduction of the utterances content by various known ways in the practice of translation.

Key words: neologism; bilingual neography; lexicographical equivalent; vocabulary with no direct equivalents; German language; Russian language.

References

- Apresyan, Yu. D. [et al.] 2002. Leksikograficheskaya kontseptsiya Novogo bol'shogo anglo-russkogo slovarya. In: Apresyan, Yu. D., Mednikova, E. M. (ed.) *Novyy bol'shoy anglo-russkiy slovar'*. (7nd ed.) Moskva: Russkiy yazyk. Vol. 1: 6—17. (In Russ.).
- Dubichinskiy, V. V. 2002. Znachimost' leksikografii. In: Kunzmann-Müller, B., Zielinski, M. (Hrsg.). *Sprachwandel und Lexikographie. Beispiele aus slavischen Sprachen, dem Ungarischen und Albanischen*. Frankfurt am Main [et al.]: Peter Lang. 47—54. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N. 2010. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'*. (7nd ed.) Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Latyshev, L. K. 2000. *Tekhnologiya perevoda: uchebnoe posobie po podgotovke perevodchikov* [s nem. yaz.]. Moskva: NVI — Tezaurus. (In Russ.).
- Mandrikova, G. M. 2011. Osnovnye polozheniya antropotsentricheskoy leksikografii. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2 (27): 8—12. (In Russ.).
- Morkovkin, V. V. 1988. Antropotsentricheskii versus tsentricheskii podkhod k leksikografirovaniyu. In: Karaulov, Yu. N. (ed.) *Natsional'naya spetsifika yazyka i ee otrazhenie v normativnom slove: sbornik statey*. Moskva: Nauka. 131—136. (In Russ.).
- Nikitina, O. A. 2013. Postroenie slovarnoy stat'i i aspekty opisaniya slovarnykh edinit v nemetsko-russkom slovare neologizmov. In: Starovoytova, O. A. (ed.) *Ot bukvy k slovaryu: sbornik nauchnykh statey k 200-letiyu so dnya rozhdeniya akademika Ya. K. Grotz*. Sankt Peterburg: Nauka. 251—260. (In Russ.).
- Ohnheiser, I. 2000. Sopostavitel'noe izuchenie aktivnykh slovoobrazovatel'nykh protsessov v slavyanskikh yazykakh. In: Ohnheiser I. (Hrsg.). *Wortbildung : interaktiv im Sprachsystem — interdisziplinär als Forschungsgegenstand*. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft. 279—295. (In Russ.).

- Petkov, P. Zum Problem der lexikographischen Lücke in zweisprachigen Wörterbüchern. In: Wiesinger, P. (Hrsg.). 2000. *Akten des X. Internationalen Germanistenkongresses Wien 2000. Zeitenwende — die Germanistik auf dem Weg vom 20. ins 21. Jahrhundert*. Bd. 2. Bern et al.: Peter Lang. 237—242. (In Germ.).
- Retsker Ya. I. 2004. *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika: ocherki lingvis-ticheskoy teorii perevoda: dopolneniya i kommentarii D. I. Ermolovicha*. Moskva: R. Valent. (In Russ.).
- Scholze-Stubenrecht, W. 1995. Äquivalenzprobleme im zweisprachigen Wörterbuch In: Wiegand, H. E. (Hrsg.): *Studien zur zweisprachigen Lexikographie mit Deutsch II. (= Germanistische Linguistik 127—128)*. Hildesheim u. a.: Olms. 2—16. (In Germ.).
- Sklyarevskaya, G. N. 2006. Ob odnom slovare antropotsentricheskogo tipa. *Yazykovaya lichnost': tekst, slovar', obraz mira*. Moskva: RAN. 365—377. (In Russ.).
- Steffens, D., Nikitina, O. 2014. *Deutsch-russisches Neologismenwörterbuch. Neuer Wortschatz im Deutschen 1991—2010 [=Nemetsko-russkiy slovar' neologizmov. Novaya leksika v nemetskom yazyke 1991—2010]*. 2 Bde. Mannheim: Institut für Deutsche Sprache. (In Germ.).
- Wiegand, H. E. 2002. Zur Äquivalenz in der zweisprachigen Lexikographie. Kritik und Vorschläge. *Studien zur zweisprachigen Lexikographie mit Deutsch VIII*. Hildesheim et al.: Olms. 93—110. (In Germ.).
- Wiegand, H. E. 2005. Äquivalenzrepräsentation und Wörterbuchfunktionen in zweisprachigen Printwörterbüchern. Mit einem Seitenblick auf die so genannte „moderne lexikographische Funktionslehre“. *Germanistische Linguistik 179: Kontrastive Lexikologie und zweisprachige Lexikographie*. Hildesheim: Olms. 20—26. (In Germ.).
- Worbs, E., Markowski, A., Meger, A. 2007. *Polnisch-Deutsches Wörterbuch der Neologismen. Neuer polnischer Wortschatz nach 1989*. Wiesbaden: Harrassowitz. (In Germ.).